

А
Евгений Салиас

Философ

Историческая повесть

Евгений Салиас. Сочинения в двух томах. Том первый

Историческая проза

М., "Художественная литература", 1991

Вступительная статья, составление и комментарии Ю. Беляева

OCR Бычков М. Н.

На всякого мудреца довольно простоты

I

Первопрестольная Москва сразу оживилась, зашумела, задвигалась... За одну неделю столицу узнать было нельзя. И власти, и дворянство, и купечество, и простой народ -- все взволновались и толковали только об одном событии -- ожидаемом приезде из Питера царствующей императрицы Екатерины Алексеевны. Некоторые важные сановники уже приехали вперед, других ожидали. Приехавшие уже делали визиты по городу, начиная с двух первых вельмож Москвы,-- с генерал-губернатора графа Салтыкова и с великого боярина, жившего на покое, графа Алексея Григорьевича Разумовского.

Власти московские завертели и завертели других обывателей. Надобно было привести город в порядок, а так как его не было и в помине, то хлопот и забот было немало. Все, что считалось возможным, законным и совершенно правильным в продолжение многих лет, вдруг теперь оказывалось совершенно незаконным и совершенно неправильным.

Вскоре все вельможные дома Москвы были уже полны приезжими из вотчины гостями и родственниками. Всюду было шумно.

За одной из застав, по дороге к Бутыркам, вокруг больших палат, к которым примыкал густой сад, сновало около сотни всяких рабочих. Дом, подновленный и свежевымазанный, желтый, канареечного цвета, смотрел весело. Зато внутри было тихо, мертво. Дом был пуст, и только один управитель, маленький и седенький старичок Финоген Павлович, расхаживал по всем горницам и в сотый раз осматривал всякий предмет и всякий уголок, озабоченный тем, все ли как следует и все ли на месте.

В дом ожидался барин, не бывавший в нем около десяти лет. Управитель за две недели сумел из старого, заброшенного и запущенного дома, с таковым же садом, сделать барскую резиденцию на славу. Правда, что трехсот рублей, присланных на расход барином, не хватило, но зато и загородной резиденции узнать было нельзя,

Финоген Павлович смущался все-таки сильно: угодит ли он, останется ли на своем управительском месте или улетит невесть куда. С барином-князем трудно было знать свою судьбу.

На всю Москву был только один такой человек, как князь Аникита Ильич Телепнев. Князь был чудодеем и непонятного нрава боярин. Никто еще никогда не сумел вполне угодить ему или похвастать его привязанностью. Наоборот, с князем все зачастую попадали впросак.

"Господу Богу угодить много легче, чем Аниките Телепневу",-- говорила про него Москва.

Но если князь, шестидесятилетний человек, был еще чудодеем, то не из тех, что веселят и потешают родных и знакомых, а из тех чудодеев, которые тяжелы и нравом, и рукой. Князь жил почти безвыездно в своей вотчине на Старо-Калужской дороге. Этот же московский дом на Бутырках не годился бы и во флигеля к тому дому, который стоял в вотчине. Там одних дворовых полагалось ровно полтысячи, не больше и не меньше. Когда кто умирал, то князь сейчас добавлял полтысячу из запаса. Громадные конюшни и громадные оранжереи окружали дом. Князь, никуда не выезжавший, даже на

А